

Удовольствие — это грех,
а иногда грех — это удовольствие.

Лорд Байрон

Глава 1

Таверна «Черный козел»
1816 год

— **Y**ы меня поражаешь, Фейрлэм. Обычно ты не столь беспечен. Но все же я не намерен искушать судьбу. Теперь ты видишь, что преимущество на моей стороне и я полностью завладел твоим вниманием... Ты готов принести извинения?

Любой другой, поумнее, кивнул бы и извинился. Но Матиас Рук, маркиз Фейрлэм, руки которого были заломлены за спину невидимым противником, находился в явно невыигрышном положении. Прищурившись, он смотрел, как к нему, упиваясь собственным превосходством, приближается знакомый темноволосый джентльмен.

Лицо Матиаса оставалось непроницаемым, но он отметил и его неряшливый смокинг, и небрежно повязанный галстук. Казалось, Оливер Брант, граф Маркрофт, в этот вечер уже с кем-то подрался или просто провел время в борделе. Матиаса не очень беспокоило, что Маркрофт подцепит сифилис от несчастной проститутки. Однако дамы высшего света были о нем довольно высокого мнения, тем более что граф был изысканным красавцем с волевым подбородком и высокими скулами.

Матиас же видел одно: ненависть, горящую в карих глазах соперника.

В возникшей неприятной ситуации винить приходилось только себя. В конце концов, он сам предложил приятелям передозвращением домой заглянуть в эту таверну, выпить пару кружек пива. И сам же отоспал приятелей за лошадьми, пока он будет расплачиваться по счету. Если бы все было иначе, их с Маркрофтом дорожки в этот день едва ли пересеклись бы.

К несчастью для всех присутствующих, именно из-за собственного решения он оказался рядом с Маркрофтом, ибо этому джентльмену всегда удавалось разбудить в нем зверя.

Матиас расправил плечи.

— Извинения? За что именно? Мои слова о том, что твоя любовница больше похожа на лошадь, не предназначались для твоих больших ушей, Маркрофт. Если ты обиделся на правду о своей милашке — жалуйся ее матушке и батюшке. Моей вины в том, что у тебя такой отвратительный вкус...

Боль фейерверком взорвалась в голове, когда правый кулак графа повстречался с левой скулой Матиаса. Голова маркиза дернулась вправо, из левого глаза посыпались искры, голова просто раскалывалась.

Матиас покачал головой, пытаясь избавиться от боли, как будто отряхивался от воды, вылитой на него из ведра. Презрительно усмехнулся, намеренно дразня противника.

— Должен признать — это достойный удар, Маркрофт! Вели своей дворняжке отпустить меня, и тогда посмотрим, чего ты стоишь, когда у противника развязаны руки — или ты у батюшки своего научился... нападаешь только на беззащитных?

— Я сам себе господин, — прорычал Матиасу на ухо тот, кто безжалостно заламывал его руки за спину.

Граф Маркрофт стал чернее тучи — несомненно, Матиас сумел нанести сокрушительный удар, даже не пошевелив и пальцем. Хотя сам Матиас не был лично знаком с отцом графа, маркизом Норгрейвом, до него доходили мерзкие слухи о чудовищных злодеяниях маркиза: всю жизнь он ради забавы не раз подстрекал неопытных соперников к дуэлям. А еще Матиас слышал, что его собственный отец, герцог Блекберн, когда-то считал маркиза своим близким другом, хотя и полагал, что это — явное преувеличение. Даже если бы герцог лично подтвердил, что слухи имеют под собой основание, Матиас никогда в это не поверил бы. Его отец — уважаемый, достойный джентльмен. Он не имеет ничего общего ни с Маркрофтом, ни с его распутным отцом.

— Отпусти его! — отрывисто приказал граф.

«Давно бы так!» — зло подумал Матиас.

Но не успел Матиас высвободить руки, как Маркрофт нанес удар кулаком ему прямо в живот. Матиас согнулся пополам, вну-

тренние органы подскочили, выражая молчаливый протест против такого жестокого обращения. Матиасу пришлось изо всех сил бороться с тошнотой: ему очень не хотелось, чтобы все то пиво, что он выпил с приятелями, выплеснулось наружу.

Граф ухватил затянутой в перчатку рукой Матиаса за плечо, нагнулся, чтобы их взгляды встретились.

— Я устал слушать, как ты бесстыдно метешь языком, упражняясь в тупоумии, Фейрлэм. Пока ты окончательно не опозорился, я готов принять твои извинения, а потом дать тебе уйти.

Матиас медленно выпрямился и нахмурился, заметив, что Маркрофт повторяет его движения. Господи боже, как же он презирает этого темноволосого громилу!

— Отчего же ты торопишься меня выпроводить, если приложил столько усилий, чтобы завладеть моим вниманием?

Граф чуть заметно наморщил лоб — было ясно, что этот тупица со стальными мышцами не смог оценить столь тонкую остроту.

Матиас сложил губы и послал воздушный поцелуй.

— Будьте осторожнее, сэр. Страсти до добра не доведут. — И в подтверждение своих слов Матиас провел пальцем вдоль ширинки бриджей, а потом поперек горла.

Завсегдатаи таверны замерли, заметив, как скептическое выражение на лице Маркрофта мгновенно сменилось возмущением от невысказанного обвинения. Спутник графа, который стоял у Матиаса за спиной, что-то пробормотал, но сам Матиас смог разобрать только слова «ухаживать» и «смерть».

В следующую секунду Маркрофт бросился на него.

Стороннего наблюдателя расслабленная поза Матиаса могла ввести в заблуждение: казалось, что он слишком пьян, чтобы защищаться. Хотя следует признаться, что, как только Матиас заметил графа, все выпитое пиво бросилось ему в голову, и он решил спровоцировать ссору. Как бы то ни было, но именно из-за этой склонности родные и друзья давно прозвали его Забиякой-Шансом.

К счастью, удача часто улыбалась ему.

Матиас не был готов к выпаду Маркрофта. В ответ он ухватил дорогой сюртук соперника за талию, мгновенно извернулся таким образом, что создалось впечатление, что они танцуют. Где-то на середине этого грациозного поворота Матиас ослабил

хватку и отправил своего обозленного противника в ближайшую деревянную стойку. Все присутствующие в таверне вздрогнули, а стойка покачнулась, но устояла.

Лорд Маркрофт упал на колени, а потом повалился на бок. И даже не пытался сесть. Или вообще пошевелиться. Кто-то из присутствующих бросился к графу оценить серьезность полученных травм.

Громила, который минуту назад помогал сдерживать Матиаса, угрожающе шагнул ему навстречу.

— Ты за все заплатишь.

Матиас оставался безучастным.

— Не волнуйся, побитая молью дворняжка. Я всегда плачу по счетам. Кроме того, сильно сомневаюсь, что от такой ласковой плюхи хоть один зуб твоего приятеля покинул его непробиваемый череп.

Собеседник Матиаса раздул щеки, как будто не выдохнул, а выпустил горячий пар. Лицо его пошло красными пятнами, он сжал кулаки, готовый сию же минуту отомстить за Маркрофта. Но тут его внимание привлекло какое-то негромкое шарканье, взгляд переместился с лица Матиаса на источник звука за спиной. Блондин остановился настолько резко, что его едва не занесло.

— Долго же вы ходили, — произнес Матиас, даже не потрудившись взглянуть на двух джентльменов по обе стороны от него. Появление его двоюродного брата лорда Кемпторна и их общего доброго друга лорда Бастрелла означало, что обмен любезностями с Маркрофтом подошел к концу. — Пока вас не было, я оказался беззащитен и в меньшинстве.

— Да уж, вижу, — брат ухватил Матиаса за подбородок, чтобы получше рассмотреть кровоподтек на щеке. Убедившись, что полученные травмы угрозы не представляют, он убрал руку и, прищурившись, посмотрел на человека, лежащего без сознания на полу. — Наказание ты мое! Это Маркрофт?

— Боюсь, что да, — ответил Матиас, пытаясь придать голосу хоть нотку раскаяния. — По-моему, он не слишком меня любит.

— Да уж, тут трудно спорить — определенно «не слишком», — согласился с этим утверждением Кристиан Лион, виконт Бастрелл. Все звали его Сент-Лион, видимо потому, что многочисленные романы с дамами из высшего света без слов говорили,

что для этого обаятельного джентльмена нет ничего святого. С каменным выражением на красивом лице он смотрел на лежащего Маркрофта. — И очень сомневаюсь, что эта встреча поможет рождению ваших добрых отношений. Между прочим, лошади уже готовы. Полагаю, нам пора.

— Разумное решение, — ответил Матиас. Он открыл свой кошелек и вытащил гинею. Обращаясь к джентльмену, который называл себя приятелем графа Маркрофта, Матиас сказал: — К сожалению, нам пора идти, не дожидаясь, пока твой друг придет в чувства, пусть и те немногие, что у него есть. Поэтому давай сведем счеты.

Небрежно щелкнув большим пальцем, он подбросил монетку вверх. Когда посетитель шагнул ближе, чтобы перехватить эту монету, Матиас справа кулаком стукнул его прямо в живот. Матиас поймал золотую гинею и хладнокровно наблюдал, как соперник со стоном согнулся.

Матиас спрятал монету в кармашек своего жилета.

— Это тебе за то, что заламывал мне руки, — я вижу, ты уже научился у Маркрофта нечестным приемам. Думаю, на досуге тебе наверняка захочется еще раз оценить все преимущества дружбы с графом. Если нет, следующая наша встреча состоится на расвете, на травянистой лужайке.

Матиас поднял голову и заметил изумленные лица своих спутников.

— По счетам уплачено. Может, уже пойдем?

Все молча наблюдали, как трое джентльменов направились к ожидающим их лошадям.

Матиас положил затянутую в перчатку руку на луку седла и пытался отышаться, а его спутники грациозно запрыгивали на коней. Плечи Матиаса ломило из-за того, что ему грубо заламывали назад руки, а мышцы живота, защищающие его внутренности, болели от жестоких кулаков Маркрофта. Матиас размышлял о том, сможет ли он взобраться на коня без посторонней помощи.

— Сильно досталось? — приглушенным голосом поинтересовался его двоюродный брат.

— Со мной все в порядке, Торн, — заверил Матиас, обращаясь к кузену по прозвищу. И все же даже не сделал попытки запрыгнуть на коня.

Сент-Лиона, казалось, не убедили слова приятеля.

— Стоит минут на десять оставить тебя одного, как тебе удастся найти человека, который готов стереть усмешку с твоего лица. Что, черт побери, произошло? Судя по всему, Маркрофт не только изукрасил тебе лицо.

— Ну, ты же сам знаешь, что за человек Маркрофт. Зачем наносить один удар, если можно нанести несколько... Хватит меня опекать, со мной все будет в порядке. — Матиас поморщился, вставив ногу в стремя. Затем, охнув, быстро перебросил ногу через круп лошади и уселся в седло.

— Почему ты не послал за нами слугу? — гневно вопрошал Торн, рассердившись на своего двоюродного брата.

Слава богу, что его брат-близнец, Гидеон, был сейчас за границей. Вместе братья были угрозой для любого противника. Но когда дело касалось членов семьи Брант, помощь была не нужна.

— И спугнуть Маркрофта? — фыркнул Матиас. — Я рассчитывал, что он наверняка воспользуется численным преимуществом.

Глаза виконта понимающе блеснули, когда он искоса взглянул на Матиаса.

— Значит, именно поэтому ты отоспал из таверны нас обоих? — произнес Сент-Лион, недоверчиво покачивая головой. — Надеюсь, нашлась весомая причина, чтобы позволить графу оттачивать мастерство на твоем лице?

Матиас коснулся припухшей щеки и поморщился.

— Ты хочешь меня обидеть. Только не забывай — это не я остался без сознания на грязном полу таверны.

— Черт побери! — пробормотал Торн. — Ты спровоцировал его, заставил напасть на себя, чтобы потом избить? — По голосу кузена было слышно, что его изумила подобная стратегия.

Матиас в ответ пожал плечами.

— Я же не утверждал, что действовал разумно. Кроме того, я уже не в первый раз теряю голову, когда вижу Маркрофта. Как же я его презираю!

— В этом вы с ним похожи! — сухо заметил Сент-Лион. — Я тоже этого мерзавца не жалую, но было бы лучше, если бы ты избегал встреч с ним.

Родители, герцог и герцогиня Блекберн, уже множество раз повторяли ему то же самое. Между родителями Матиаса и родите-

лями Маркрофта, маркизом и маркизой Норгрейв, задолго до его рождения случилась какая-то неприятная история. И несмотря на то что он не знал всех подробностей, Бранты были его врагами.

— Отличный совет, но практически невыполнимый. Маркрофт был для меня занозой в заднице с самого детства. И с годами его характер лучше не стал.

Матиас с Маркрофтом обменивались как физическими, так и словесными ударами с самой первой своей встречи. И никто не верил, что что-либо в их будущих встречах сможет поменяться к лучшему. Только шпага или пуля в сердце графа могла остановить докучливого джентльмена от вмешательства в дела Матиаса.

— Если уж мы вспомнили о скверном характере Маркрофта... Наверное, нам стоит уехать, пока он не очнулся, — заметил Торн, кивая в сторону таверны. — Твой отец и так расстроится, когда узнает, что на тебя напал один из Брантов. Да еще рядом с домом.

Матиас крепче вцепился в поводья.

— Сколько раз повторять? Никто на меня не нападал. И, по моему, победителем из стычки вышел я. — Он вздохнул. — Позволь мне самому поведать эту историю, договорились? — Он пришпорил коня.

Сент-Лион расхохотался за спиной у приятеля.

— Думаю, их обмануть не удастся, друг мой. Как ты намерен объяснить родителям побитое лицо?

Виртуозную брань Матиаса заглушил громкий хохот его приятелей. Лошади скакали во весь опор, и расстояние между маркизом и его врагом все увеличивалось.

Глава 2

П

ерез несколько часов после примечательной встречи в таверне Матиас подходил ко входной двери, подходил в одиночку. Сент-Лион и его кузен задержались в конюшне, давая маркизу возможность оправдаться перед родителями. Молодой человек раздумывал, как объяснить родителям, почему он явился домой в столь поздний час. Мало того что он явился на несколько дней позже, он к тому же на три часа опоздал к завтраку. С тех пор как Матиас достиг зрелости — двадцати двух лет — он считал, что обязанность представать перед родительскими очами в образе блудного сына оскорбляет его достоинство. Впрочем, если все пойдет по намеченному плану, ему сегодня придется это делать в последний раз.

— Доброе утро, Макки, — от души приветствовал он дворецкого, передавая ему свою шляпу и перчатки. Этот человек стал служить его отцу, герцогу Блекберну, задолго до того, как тот женился на леди Имоджин Сантер. Верный слуга мог бы уже давно, причем с благословения его родителей, получать щедрую пенсию, однако считал своим долгом присматривать за семейством Рук. Подобная преданность делала его почти членом семьи.

— Как всегда, лорд Фейрлэм, — ответил Макки, как будто в приветствии Матиаса звучал вопрос. — И если не ходить вокруг да около — глядя на вас, этого не скажешь!

Матиас засмеялся, притворяясь, что подобное мягкое порицание относится к его опозданию.

— Как всегда.

Его матушка любила подтрунивать над отцом, уверяя, что тот должен винить самого себя за то, что произвел на свет свою точную копию. И любое сравнение с отцом было для Матиаса высшей наградой. Он заработал свое прозвище «Шанс» еще до того, как научился говорить. Много позднее его уже не такие невин-

ные забавы за карточным столом и другие безрассудные поступки и проказы вместе с приятелями привели к тому, что Шансом его стали называть уже не только члены семьи.

— Надеюсь, наш повар не против накормить еще парочку ртов? — поинтересовался Матиас, намеренно пряча синяк на лице от проницательного взора дворецкого. — Со мной приехали Торн и Сент-Лион. Мы планируем вместе вернуться в Лондон.

— Я немедленно распоряжусь, чтобы им приготовили комнаты, — сказал дворецкий, многозначительно глядя на Матиаса, когда тот стал бочком обходить старика слугу. — Как долго лорд Кемпторн и лорд Бастрелл планируют у нас гостить?

У Матиаса были свои причины побыстрее вернуться в Лондон, но он не имел ни малейшего желания делиться сведениями с Макки. Маркиз мог бы отправиться сразу в Лондон, однако уже целый месяц не видел родителей. Матиас очень соскучился по своей красавице матери и чрезмерно опекающему его отцу. Они даже поиздорили на эту тему, когда он отправлялся в одно из семейных поместий на севере, и сейчас Матиас сожалел о том, что они так холодно расстались. К тому же были еще младшие братья и сестры: Бенджамин, которому уже исполнилось двадцать и который тоже ощущал на себе бдительное отцовское око, Онор, которой исполнилось семнадцать — и она не могла дождаться, когда же ее представят ко двору. Пятнадцатилетняя Мерси, которая не проявляла желания знакомиться с высшим светом Лондона, застенчивый двенадцатилетний Фредерик, который предпочитал общество животных и книг обществу людей. И малышка Констанция, которой было всего семь, — младшая дочь в семье Рук. Он даже не подозревал, насколько сильно он по ним соскучился.

— Мы еще не решили. Может быть, останутся на пару дней, может, на неделю.

Макки невозмутимо кивнул, ничуть не смущившись неопределенным ответом Матиаса.

— Очень хорошо. Ваша матушка сокрушается, что вас все чаще не бывает дома. Она обрадуется, что вы с друзьями погостили у нее.

— Если родители не передумали, я обязательно увижу с ними в Лондоне, — заметил Матиас, преисполненный чувства вины, которое зародилось в душе и сжимало сердце.